

— ЧЕМ она мне нравится? Неожиданностью. Все, что она делает, я воспринимаю как музыку. Настоящую, классическую. Сколько ни слушай ее, не знаешь, что будет дальше...

Труднее всего маститому завоевать признание начинающего. Конечно, студент театрального училища с первого курса знает, у кого ему следует учиться, у кого не следует, что такое хорошо и что такое плохо. Но в глубине души он не со всем согласен. Вернее, почти ни с чем не согласен. В этом юношеском отрицании, может быть, главная движущая сила творчества. Но счастлив тот художник, в работе которого следующее поколение находит то, что необходимо творчески продолжить, чему необходимо упрямо учиться. И я не случайно начал свой рассказ об известной артистке театра и кино Маргарите Тереховой со слов, сказанных в ее адрес недавней студенткой ГИТИСа актрисой студии Олега Табакова Еленой Майоровой.

Неожиданность. Это удивительно точное и емкое определение таланта Тереховой. Именно неожиданность, умная, подкрепленная золотым запасом мысли, чувства и мастерства.

Сейчас в Останкине уже закончены съемки телевизионного фильма-концерта «Мне от любви покоя не найти», созданного по мотивам пьес и сонетов Шекспира. В нем артистка играет сразу пять ролей: Клеопатру, Дездемону, Офелию, Катарину, леди Анну. Миры, совершенно непохожие, во многом далекие друг от друга.

— Прежде всего необходимо было найти общий стержень, — рассказывает режиссер-постановщик фильма Р. Виктюк, — точку пересечения орбит этих миров. Любовь, женственность, страсть в самых разных и неожиданных ее проявлениях — вот она, эта точка. Терехову на эту работу я пригласил без колебаний. Она, по-моему, одна из немногих артисток, в которых одновременно уживаются несколько женских начал. Это редкий и замечательно ценный дар. Я сказал: уживаются... Но ведь особенно интересна Терехова тогда, когда начала эти столкновения. Впервые я поразился этому ее качеству в работе над спектаклем «Царская охота».

Роль Елизаветы — самозванки, княжны Таракановой в пьесе Л. Зорина, поставленной несколько лет назад в Театре имени Моссовета, — любимая театральная роль актрисы. Мне посчастливилось трижды смотреть этот спектакль, и каждый раз я видел новую Елизавету и по-новому восхищался глубиной и правдивостью чувств, воплощаемых Тереховой. Ее Елизавета, даже подло преданная своим возлюбленным и брошенная в тюрьму, благодарит судьбу за ниспосланное ей счастье любить без оглядки. Последние сцены спектакля Терехова играет с таким драматизмом, такой обнаженностью нервов, что и на площадке Маяковского большинство зрителей выходит из театра молча. Ком застывает в горле.

...После школы она приехала в Москву. Во ВГИК по конкурсу не прошла. Поступила в актерскую студию, открывшуюся при Театре имени Моссовета. «Не скажу, что с первых же занятий в студии стало ясно, что перед нами прирожденная актриса, — писал Юрий Александрович Завадский. — В Рите привлекло другое: ее человеческая неповторимость, которая при нестойчивом овладении профессиональным мастерством обещала перейти в неповторимость актерскую».

Ей по-настоящему повезло с педагогом и режиссером — Завадский поверил в Терехову и неожиданно для всех вскоре после окончания студии ввел ее на главную роль в спектакле «Цезарь и Клеопатра» Б. Шоу. Тогда и заговорили о рождении нового, сложного таланта. А вслед за тем пришла удача и в кино. О фильме «Здравствуй, это я», о молодой артистке в роли Тани много писали.

Две эти работы — из разных эпох и миров — были началом пути актрисы, которую через много лет знаменитый американский режиссер Джордж Кьюкор, работавший с такими «суперзвездами» экрана, как Элизабет Тейлор, Грета Гарбо, встретившийся с ней при постановке «Синей птицы», назовет «актрисой вне моды», «актрисой на все времена».

люди искусства

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

Сергей МАРКОВ

После фильма «Бегущая по волнам» ее отношения с кино на несколько лет прервались. В театре Терехова играла роли большие и маленькие, лирические и драматические.

— Театру я обязана всем или почти всем, что умею, — говорит актриса. — Он подарил мне счастье учиться у таких мастеров, как Раневская, Плятт, Бирман, Марецкая...

...Много лет назад, впервые увидев актрису на экране, я мучительно долго вспоминал, откуда знакомо мне ее лицо. Перебирал в памяти, и вдруг... Ну, конечно! Дама на одном из портретов времен эпохи Возрождения. Особенно глаза — загадочные, большие, с красивыми, чуть удлинненными веками. Тогда, к сожалению, я не вспомнил ни автора, ни названия холста. Но всегда он стоял у меня перед глазами, когда я встречался с новыми работами Тереховой.

Духовная наполненность, богатство внутреннего мира, строгость и чистота — таковы черты лучших героинь актрисы, роднящие их с прекрасными образами эпохи Возрождения. Никакого подражания или намеренной стилизации тут нет. Истоки всего этого следует искать в индивидуальности актрисы.

— Раньше были актеры, — говорит Терехова, — которые при первой читке пьесы помечали галочками, где будут аплодисменты, где нужно «выжить» у зрителя слезу... Владеа элементарным драматическим умением, подготовить это несложно. Самое же ценное в нашей профессии — незапрограммированность, когда не внешняя коллизия, не стечение обстоятельств на сцене действует на зрителя, а непостижимые, порой психологические и нервные связи. Воздействие не прямое, а косвенное, самым рождением эмоций... И тут, мне кажется, главное — любовь актера к своему герою, которая способна поднимать и несказанно обогащать.

Но далеко не всегда современным актерам предоставляется возможность всеми силами души своей влюбиться в героя, подниматься до его уровня. Не только Офелию или Диану приходится играть. Чаше — женщин обычных, счастливых и несчастных, мечтающих и неустрашенных.

В первых кадрах телевизионного фильма «Дневной поезд» что-то мешает полностью поверить героине Тереховой — Вере. Казалось бы, все точно — огромная, с высокими окнами квартира в старом ленинградском доме, уютный порядок, привычная ироничность в разговорах с мамой — бывшей актрисой, изнуряющая гимнастика для сохранения фигуры. туман на улицах. И все же не оставляет ощущение нереаль-

ности происходящего. Поначалу актрисе словно не удается точно нащупать нужную плоскость — это заметно по едва уловимым интонациям, черточкам, взглядам. Но начинается действие — приезжает из Москвы сорокалетний холостяк Игорь Петрович. Вера знакомит его со своими подругами-ровесницами, тоже одиночками в этом большом, прекрасном городе. Начинается обрывочный, будто почти ничего не значащий разговор, который мастерски ведут Гафт и Терехова... Пржитые годы, несложившиеся судьбы словно просвечивают сквозь толщу многолетних привычек и жизненных стереотипов. И на какой-то точке, приблизительно в середине ленты, понимаешь, что никакой другой героиня Тереховой и не могла быть. Кажется даже, что артистка играет самое себя, откровенно рассказывает о своей жизни. Вот это право делать роли своими, «присваивать и совмещать» и дает актеру искренность, порой жертвенная любовь к герою.

И еще творческое мужество, умение, если нужно, все начать сначала. Терехова боится штампов. Пусть лучше неудача, чем эксплуатация уже отработанного. К каждой роли приступает так, будто она первая в ее жизни. Наблюдательна. Эрудирована. Много работает в библиотеках, особенно когда встречается с историческими персонажами. «Люблю копаться в историческом материале, — рассказывает Маргарита Борисовна, — не цифры и даты меня интересуют, а нерв, созвучие мне сегодняшней». Любит репетировать. Режиссеры говорили, что работать с ней непросто. Каким бы был авторитетным режиссер, каким бы громким именем ни обладал, Терехова ничего не принимает на веру. Ей необходимо самой все прочувствовать, дойти до сути.

В Останкине я наблюдал съемку сцены сумасшествия Офелии. За полтора часа передо мной родилось по крайней мере пять женских характеров и судеб. Актриса искала Офелию в себе. Снова и снова откатывались камеры, и операторы недовольно снимали наушники. Было душно, пахло раскаленным железом, все куда-то спешило... Терехову же в тот день не удовлетворил ни один дубль.

— Маргарита Терехова, — говорил Армен Джигарханян, — прекрасный партнер. Прекрасный, потому что... неудобный. Мы порой слишком бережем себя. Мол, роль не первая и не последняя, и кто знает, хватит ли сил на ту, главную, которая всегда впереди. Бонмиса чрезмерных душевных затрат...

Маргарита Терехова не боится. И, оказывается, много отдавая, еще больше находит.

Заслуженная артистка РСФСР Маргарита Терехова. Фото Е. Любинского.

243